

Феликс Новиков

О МУЖСКОМ ХОРЕ "КОХИНОР" И ЖЕНСКОМ ХОРЕ "РЕЙСШИНКА"

"КОХИНОР" И "РЕЙСШИНКА"— ЛУЧШИЕ АНСАМБЛИ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Андрей Буров

"ЧТОБ ВЫ ТАК СТРОИЛИ, КАК ВЫ ПОЕТЕ"

Леонид Утесов

Где это видано, чтобы самодеятельный сатирический коллектив выстоял на эстраде целых сорок пять лет?

Где это слыхано, чтобы молодые люди — создатели и исполнители тех сатирических программ, начавшие свое шествие по клубам и концертным залам на заре творческой карьеры, оставались верны своему увлечению до глубоких седин, достигнув к тому времени профессиональной славы, удостоившись высших государственных регалий и академических званий?

Я могу ответить на эти вопросы, потому что сам был в числе основателей, стоял в строю "Кохинора" на первом его выступлении, десять лет пел в хоре и, мало того, пятнадцать лет вместе с другими авторами сочинял наши озорные программы и острые тексты песен.

В том далеком пятьдесят третьем году возникли благоприятствующие этому делу обстоятельства. С одной стороны, в стенах единственного тогда "Моспроекта" собрались "заводилы" трех последних выпусков Московского архитектурного института. Это, так сказать, внутренний побудительный фактор. Но был еще и внешний. То был год, в котором за-

Архитектор и художник Савва Бродский, удостоенный членства в испанской Академии Художеств за иллюстрации к "Дон Кихоту", посвятил этот рисунок юбилею "Кохинора" и "Рейсшинки".

вершилась "сталинская эпоха". В стране повеяли свежие ветры.

Тогда и поднялся на эстраду Дома архитектора старшина "Кохинора" Юлий Ранинский и командовал: "...помагистрально! Белые халаты в скатку! С песней, с места, шагом марш!" И из зала на сцену, четко чеканя шаг, вышли молодые архитекторы с высоко поднятыми и прижатыми к плечу большими карандашами "Кохинор".

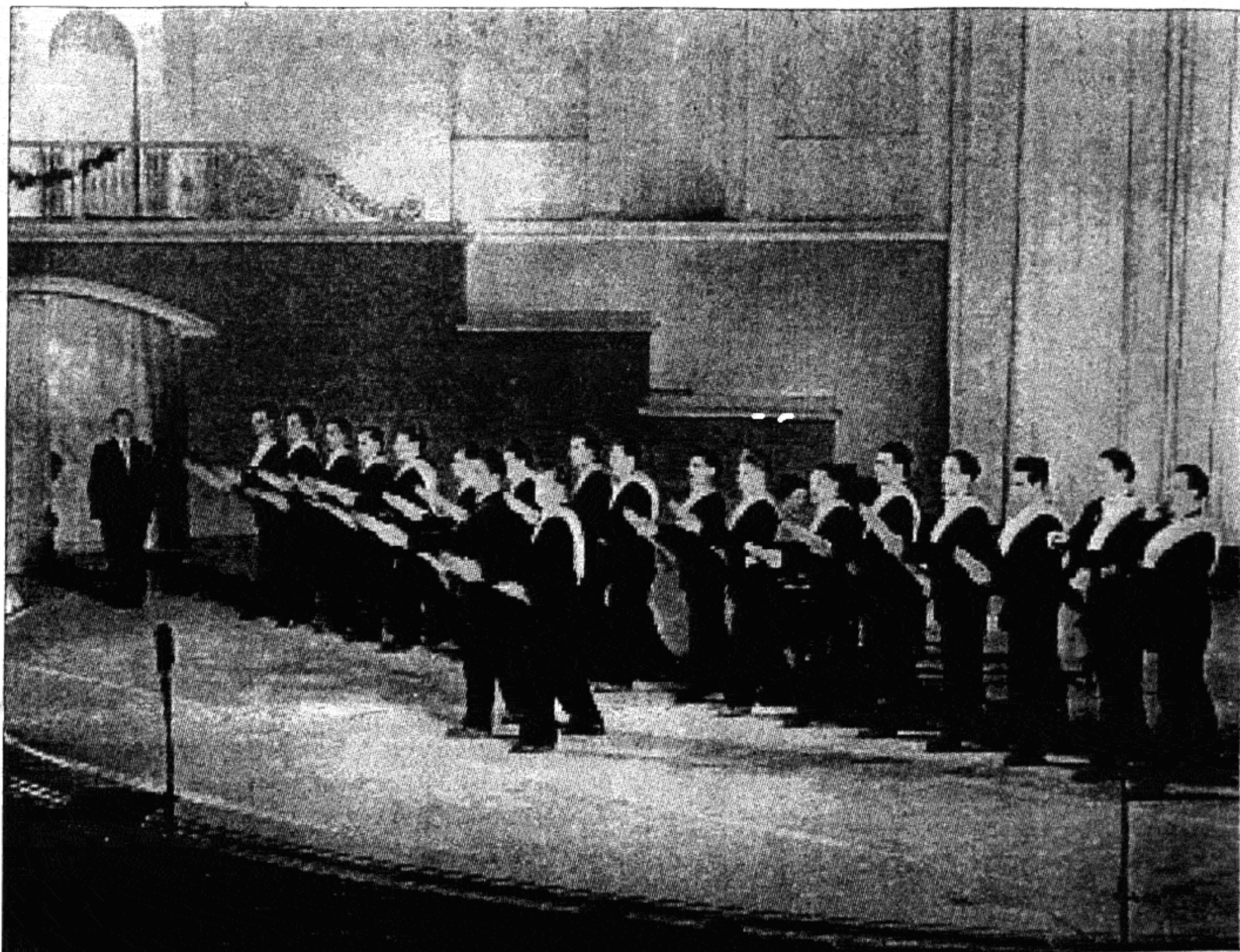
Наши первые песни и "разговорчики в строю" касались, казалось бы, сугубо "местных" тем. Но вскоре выяснилось, что архитектурные дела привлекают к себе общественное внимание, наши песни "доходят" до всякого слушателя и нас приглашают выступить не где-нибудь, а в Доме писателей.

Обычно старшина, обращаясь к стоящему во главе хора запевале Воле Косаржевскому, вопрошал: "Почему халат грязный?" (Тут надобно заметить, что тогда по совету Хрущева всех зодчих "Моспроекта" одели в белые халаты.) И слышал в ответ: "Так что испачкал!" А затем следовало заслуженное наказание: "Привяжешь вне очереди два типовых проекта!" Понятное дело, привязка рутинная, не творческая работа.

Писателям надо было предложить что-то другое. Иное наказание. Придумали. Старшина распорядился. "Два романа Панферова прочтешь в нерабочее время!" Скажу, что такого взрыва хохота я не слышал в своей жизни ни до, ни после того.

ный концерт Всесоюзного смотра самодеятельности.

Согласно программе, мы должны спеть три песни. Одна из них, написанная на мотив популярной утесовской "Маркизы", начиналась с того, что

"Кохинор" на сцене зала им. Чайковского. 1956 г.

Прошли концерты по всем творческим домам. С неизменным успехом. Женский хор, в котором прическа каждой певицы вместо косы украшалась картонной рейсшиной (отсюда и название), разделял успех "Кохинора". Приглашения поступали со всех сторон. И однажды в комитет комсомола "Моспроекта" пришли старшеклассницы ближайшей школы. Незнакомые с архитектурным инструментарием, они застенчиво обратились к секретарю Ранинскому: "Пришлите, пожалуйста, к нам Вашу "Ширинку". В просьбе было отказано. Однако, география выступлений ширилась, слава наша росла, и вот мы уже на сцене зала им. Чайковского и, наконец, в самом Большом театре. То был заключитель-

из строя самовольно выходил "солдат" и, не оглядываясь, направлялся за кулисы. Следовал оклик старшины:

- Рядовой Фирсов! Вы куда?
- Так, что на приемку здания.
- А что, дам готов?
- Никак нет.
- А, что же готово?
- Так, что ведомость недоделок.
- А много ли там записано?
- Да всего три пунктика. Закончить кладку стен, перекрытия и отделочные работы.
- Отставить! Встать в строй!

Веселое это было занятие — сочинение наших сатирических программ. Основатели за работой. Слева направо архитекторы: И. Шшикина, Ф. Новиков, Э. Ширяевская, Ю. Раппинский, И. Покровский, В. Косаржевский, А. Шайхет. 1957 г.

“Песня о недоделках!”

“Алло, алло, вот дом многоэтажный,
Его по плану надо сдать,
Он не готов, но разве это важно,
Ведь важно акты подписать.
И “Главмосстрой” активно наступает,
За глотку автора берет,
Грозит, клянется, просит, умоляет,
И вот комиссия идет.
Дом хоть куда, изъяны мелки,
Все устранимы недоделки,
А в остальном прекрасная работа,
Все хорошо! Все хорошо!
Вот новоселье в доме отмечают,
Поют танцуют тут и там,
А дом скрипит, трещит и оседает
По всем температурным швам.
Паркет дубовый выгнулся дугою,
Упал на пол кривой карниз,
Упала люстра, следом за собою
Она розетку тянет вниз.
Розетка что — пустое дело,
Вся облицовка облетела,
А в остальном прекрасная работа,
Все хорошо! Все хорошо!
Но раз жильцы повсюду замечают

Работы “качественной” след,
То очень много жалоб поступает,
В ЦК, в МК и в Моссовет.
“Что в окнах щели велики,
И что кривые потолки,
Что промерзают эркера,
И куча хлама среди двора,
Что неустойчив унитаз,
И что-то капает на нас,
Мусоропровод засорен,
Барак у дома не снесен,
Что невозможно больше ждать,
Пора к ремонту приступать.
А в остальном прекрасная работа,
Все хорошо! Все хорошо!”

Мы готовы к выступлению. Режиссер ответственного концерта (в ложе будут Хрущев и Микоян) народный артист СССР Иосиф Михайлович Туманов, посмотрев нашу репетицию, остался доволен. Но вдруг является один из распорядителей и объявляет, что эту песню мы петь не будем. Как? Почему? Указание Фурцевой. (Шел 1956 год. Тогда она была первым секретарем МК КПСС) Отказаться от выступления нельзя. Однако, настроение испорчено. Наш выход. Поем оставшиеся две песни. Занавес.

И полная тишина. Значит, провал? Кто-то даже не сумел скрыть слезу. А дома мы узнали (концерт передавался по ТВ), что во время нашей трансляции звук был снят. Зато после, когда звук вновь включили, овация длилась несколько минут. Нам было неизвестно, что подъемный занавес театра, в отличие от раздвижного, — глухой, и на сцене не слышно реакции зала.

Время шло, росла наша популярность, ширился репертуар, осваивались новые жанры, и подчас темы, которых мы касались, выходили за пределы профессиональных интересов. Случалось, что сознательно, а подчас и нежданно.

Так еще в 55-м, по случаю перевыборов Московского Правления Союза Архитекторов, написана басня “Туз”.

Туз козырной пост важный занимал,
С шестерками, десятками не знался,
Валетов, дам не замечал,
И даже с королями не считался.
И вот по всей колоде разговор пошел,
Что, дескать, Туз не так игру повел,
Но все боялись заявить открыто,
Попробуйте сказать — и ваша карта бита.
Зазнался Туз.

*От коллектива оторвался,
В теории и практике отстал,
И в дураках остался, проиграл.
Колоду вновь тасуют и сдают,
Кто в этот раз окажется у власти?
Кто будет Козырем? Все карты ждут.
И что ж? Опять выходит Туз,
И снова той же масти...
Колоду тасовали шулера,
Крапленный туз, нечистая игра.*

И я читал свою басню на разных эстрадах, покада, исполнив ее в Доме кино, не встретился с молчанием испуганного зала. Прошел XX съезд и этот текст стал ассоциироваться с явлением вселенского масштаба. И потом всякий раз со сменой высшего руководства страны "Туз" обретал зловещий смысл. Любопытно, что басня дважды публиковалась. В "Вечерней Москве" и в "Советской культуре". Причем вторично в 88-м, уже в "перестроечные" времена. Но в обоих случаях без двух последних строк.

Но мы вернемся к хрущевской архитектурной "перестройке". Он сам пользовался этим термином. Тогда "Кохинор" запел "Типовую":

*Тип, тип, типовая,
Эта песня не простая,
Мы мотив знакомый взяли,
И словесность привязали.
Окна — типовые, двери — типовые,
Рамы — типовые, стекла типовые.
Тип, тип, тип, возьми панели
Тип, тип, тип, подешевели...*

Ну, и так далее. Надо сказать, что пелось это замечательно. Наш музыкальный руководитель и дирижер Игорь Покровский раскладывал каждую песню на голоса, и после множества репетиций наше многоголосье звучало вполне профессионально. Просто здорово! А потому нас потом позвали и на телевидение. Конечно, тексты тщательно просматривались. Тамошние редакторы страховались. А бывало, что нас в горком партии и в ЦК "вытаскивали". Как бы чего лишнего не пропели. Подчас "стучали" оскорбленные высокопоставленные коллеги. Случались и запреты. Не без этого.

Архитектурная критика тоже звучала в наших песнях. Так, например, оценили мы строившуюся гостиницу "Россия":

*У святого Кремля на откосе крутом,
Ты увидишь такую картину:
Строят рядом с Кремлем огромный объем,
Рядом с сердцем России дубину.
Эй, дубинушка, ухнем...
А для другого куплета был иной припев:*

*Эй, рухнем! Эй, рухнем!
Еще храмик, еще храм!*

С присвистом исполнял "Кохинор" знаменитую солдатскую песню Соловьева-Седого "В путь".

*По Москве идем, ребята,
Соколами все глядим,
Эх, везде застройка типовая,
Ни за что не отличишь,
Ре-бя-та, жуть, жуть, жуть...*

И очень красиво звучало жалостное пение "Рейсшинки":

*Когда-то жили мамонты,
Оставили клыки,
Цари дворцы оставили,
Купцы особняки,
Ах, братья-архитекторы,
И мы не зря живем,
От нас в веках останется
Пятиэтажный дом.
Дом мой дом, пятиэтажный дом,
О нем поем, его сдаем,
Сами в нем живем.*

"Кохинор" и "Рейсшинка" выступали не только врозь. В нашей программе были "таратории", исполнявшиеся совместно. И тогда хоры выстраивались по горизонтали и вертикали, как это водится на классических концертах, и хоровые и вокальные номера чередовались с "речевками".

Вот хор изображает ликование праздничной демонстрации. "Над толпой" слышны призывные здравицы, восклицаемые со знакомой интонацией:

Да здравствует нерушимая связь стены и облицовки!
Урааа! Да здравствует архитектурная теория — родная сестра практики! Мурааа!

А вот известная народная песня, которая по созвучию обрела новое содержание:

*Тут канава. Там канава,
Спотыкается народ,
Раскопали тротуары,
Знать, кладут водопровод.
Возвращался я с подружкой
С вечеринки как-то раз,
Вижу, снова все разрыто,
Ковыряется "Мосгаз".
Не стерпело "Мосэнерго",
Бьет бетон и долбит лед,
Трубы вынуло чужие,
И свои туда сует.
Может, снова все засыпят,
Не узнаешь наперед,
Может быть, посадят липы,*

Исполняется "Таратория". 1988 г.

*Может быть, наоборот.
Ах, канава, ты канава,
Я вчера туда упал,
Не пора ли докопаться,
Кой же черт тебя коцал.
Тут канава, там канава,
Можно голову сломать,
Не пора ли Моссовету
Эту песенку кончать.*

А помнит ли читатель, какими темными были по вечерам наши города. И столица тоже не отличалась яркой освещенностью. Даже в самом центре. В то время, как на Западе... И "Рейсшинка" пела на знакомый мотив "Московские окна":

*Нам не нужно блеска жизни той,
Мы гордимся нашей темнотой,
И поэтому не зря
Фонари горят едва,
И это дело всем до фонаря.*

Шло время. Мы отпраздновали 10-летний юбилей. Потом 20-летний. Каждый архитектурный съезд отмечался новой программой и каждый юбилей тоже. Слава коллектива стала всесоюзной. Он гастролировал по всей стране. В столицах республик, в Сибири и даже в Заполярье. Понятно, что кто-то выходил из строя, но появлялись новые голоса и новые авторы текстов. Отпраздновали 30-летие. А вскоре, по случаю всеобщей перестройки, зазвучали совсем иные темы.

Старшина "Кохинора" спрашивает:

— А что-то это я не вижу в строю Свердлова?

Где Свердлов?

И слышит в ответ:

— Так что Свердлов в Израиле.

— И с концами?

— А то!

— А Терлицкий где?

— Терлицкий в Соединенных Штатах.

И с теми же концами.

— А вы чего тут задерживаетесь?

— Я тоже. Вот, скоро визу получаю...

— И что ж это, так все и бросите?

Пионерскую организацию, которая вас с малого возраста растила! Комсомол! Заводскую проходную, которая в люди вас вывела! Родные березки! Красную площадь! Дедушку Ленина!!!

— А у меня там тоже есть дедушка.

— Ну, ладно! Езжайте! Но учтите!

Приедете туда. Окунетесь в эту "сладкую" жизнь, почувствуете все на своей шкуре! И немедленно шлите вызов!

— Кому???

— Ну не дедушке же Ленину! Мне, конечно.

Встать в строй! Композитор Глинка! "Попутная песня!"

Отпраздновали сорокалетие. И хотя вся самостоятельная команда давно перешла под крышу Дома архитектора, этот юбилей проходил в большом зале Дома кино. И тогда Ширвиндт сказал: "Вся эта компания — такие талантливые люди! Всю жизнь они были задавлены блоками. Шаг влево, шаг вправо — запрет. Творческая энергия искала выходы. И вот воплотилась в этом удивительном явлении. Они же архимузыкальны". А Зиновий Гердт признался: "Если б я умел еще и архитектурничать, я, конечно бы, был в этом ансамбле. Если бы меня взяли, конечно. Это единственное место в Москве, где вас не обманут относительно вкуса".

А сколько всего за эти годы было придумано! Был квартет жильцов с песней "Кирпичики". Была знаменитая песня нищего, тоже обретшая широкий смысл после скандала, устроенного Хрущевым на выставке МОСХА в Манеже.

*Этот случай был в городе Риме,
Папа Пий там когда-то служил,
Был он женского пола любитель,
Архитектуру он тоже ценил.
Из слезы и из крови народной,
Той, что пил по ночам до утра,
Микельанджело Буонаротти
Строил купол святого Петра.
Вдруг звонит телефон в Ватикане,
Папе кой-то тайком говорит,
Дескать, купол совсем некрасивый,
Дескать, мол и непрочно стоит.*

Папа быстро с лежанки сорвался,
 Свой узорный натянул пиджак,
 Микельанджело он вызывает,
 С референтом идет в Бельведёр.
 Микель — Миша, ты грешник великий,
 Как посмел сам вопросы решать,
 Вы простите, но тут римский Папа
 Помянул свою римскую мать.
 Микельанджело парень был смелый,
 Он схватил пресс-папье со стола:
 И ответил ему, родный Папа,
 Не в свои ты не суйся дела.
 Папа, Папа, тебя уважаю,
 Как ты есть заместитель Христа,
 В этом деле ты соображаешь,
 А в искусстве, прости, ни черта.
 Микельанджело плюнул на Папу,
 И по-своему купол создал,
 Он поэтому вышел изящный,
 И в историю, братцы, попал.

Дорогие папаши и мамыши, братья и сестры. Пожертвуйте бедному, несчастному коллеге на приобретение творческой принципиальности. С детства лишен собственного мнения.

А были еще акробаты братья Битоговы, потешно демонстрирующие знаменитые фонтаны, конные монументы, символы городов мира.

А из песен последних лет мне более всего нравится та, что посвящена известному конфликту Горбачева и Ельцина. На видеопленке, которую я всякий раз смотрю с удовольствием, видно, с каким восторгом слушают ее, сидящие в зале Дома актера Михаил Ульянов, Андрей Гончаров, Марк Захаров, Григорий Горин. Она поется на мотив песенки о короле. Помните? "Жил был Анри Четвертый, он славный был король..." Попробуйте спеть в компании за праздничным столом ее новую версию. Вот она:

Жил был король на свете,
 Совсем не был король,
 Зато любил запреты
 Вводить на алкоголь.
 Лена-лен, закон,
 Лена-лен, указ,
 Вина не пейте, пейте квас,
 Рабочий класс, согретый квасом,
 Ну, вот те раз!
 И в той стране известной
 Народный жил герой.
 Любил играть он в теннис
 И презв бывал порой.
 Лена-лен, прыг, скок,
 Лена-лен, прыг, скок,

Чуток сыграл, хлебнул чуток,
 И после этой процедуры,
 Как молоток
 Любил король героя
 Меж тем кидать с моста,
 И скидывал порою
 С высокого поста.
 С поста бум-бум,
 С моста бум-бум,
 С МК бум-бум,
 С ЦК бум-бум,
 Сопровождал паденья эти
 Ужасный шум.
 Но вот на референдум
 Собрался весь народ
 И королю дал пендель
 За то, что тот не пьет.
 Лена-лен, бум-бум,
 Лена-лен, ля-ля,
 Герой сел в кресло короля,
 И водка стала повсеместно,
 По три рубля.
 Гласит закон природы,
 Не может быть ей-ей
 У пьющего народа
 Непьющих королей.
 Лена-лен, нельзя,
 Лена-лен, нет-нет,
 На алкоголь вводить запрет,
 Такой у нашего народа
 Мента-ли-тет.

Если всерьез подводить итоги славной творческой карьеры "Кохинора" и "Рейсшинки", надо сказать о том, что они по праву удостоились того, что можно назвать государственным признанием. Шутка ли — шестеро главных творцов сатирических программ удостоились почетного звания Заслуженный Работник Культуры Российской Федерации.

Время шло, и наступил 45-летний юбилей. Последний. В строю мужского хора преобладали седые головы и бороды, поблескивали лысины. И в женском хороводе собралось немало бабушек. И прабабушки тоже были. Средний возраст приближался к семидесяти. Пора было кончать все это дело. На том и порешили. Эпоха "Кохинора" и "Рейсшинки" кончилась в 1998 году. Изредка по разным публичным поводам выходят на сцену Дома архитектора двое — трое из бывших. Но это уже не то.

А в июне 2002 года ушел из жизни Игорь Александрович Покровский. Замечательный зодчий, музыкант, художник. Народный архитектор СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, член

трех академий, главный архитектор подмосковного города Зеленограда — лучшего нового города, созданного в советские годы. И все 45 лет он был музыкальным гением сатирического хора. То была двадцатая смерть в кохиноровском строю. Печально.

Но мы были молодыми и "чушь прекрасную несли"

Примечание: Авторы текста песенки "О короле и герое" Заслуженный архитектор РФ Ю. Мурзин и инженер М. Кочин.

"Типовая" написана архитектором В. Уткиным. В числе его построек — здание театра кукол им. Сергея Образцова. Текст "Песни нищего", "Канавы", "Песни о недоделках" и басня "Туз" — Ф. Новиков.